

Турецкие военнопленные 1877–1878 гг. в Витебской губернии

Несмотря на огромное количество литературы о военном прошлом нашей страны, отечественная история военного плена XIX в. все еще представляет собой *terra incognita*. Между тем, рассмотрение уникального опыта, приобретенного военными и гражданскими властями в решении вопросов, связанных с размещением, содержанием и трудовым использованием иностранных военнопленных на белорусских землях, составляет одну из важнейших граней комплексного изучения как отечественной, так и европейской истории. Одним из интереснейших сюжетов, так и не получивших достаточного освещения ни в российской, ни в белорусской историографии, является пребывание на территории Витебской губернии турецких военнопленных Восточной (Русско-турецкой) войны 1877–1878 гг.

Согласно архивным документам, в Виленском военном округе, охватывавшем территории Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской и ряда других губерний, на момент окончания войны было размещено свыше 13 тыс. плененных в ходе боевых действий воинов Блистательной Порты. Непосредственно в пределах Витебской губернии в марте 1878 г. содержалось 1673 человека [1].

Необходимость соблюдать правила и обычаи войны по отношению к захваченному в плен противнику заставляла победившую сторону выделять огромные силы и средства на перемещение и содержание «узников войны». В этом плане местные власти делали все возможное, чтобы обеспечить должный прием и размещение военнопленных: заблаговременно подыскивали помещения для проживания, решали вопросы медицинского, продовольственного и вещевого обеспечения.

Главным правовым актом, определившим основы системы содержания захваченных в плен турок, стало «Временное положение о военнопленных Восточной войны 1877 года». На основании этого документа, заведывание и надзор за турецкими подданными в пределах империи находились в ведении военного ведомства. Непосредственно в самих губерниях пленные содержались при местных войсках в виде команд, состоящих под начальством русских офицеров, унтер-офицеров, а иногда и рядовых. Команды разделялись на взводы, полуроты, роты и даже более крупные подразделения. В интересах соблюдения порядка и дисциплины среди военнопленных из их числа во главе подразделений могли быть поставлены благонадежные турецкие офицеры.

«Временное положение о военнопленных» обязывало начальников воинских частей, при которых состояли пленные турки, принимать меры к тому, чтобы пища для них состояла преимущественно из продуктов, употребляемых ими на родине. Отчасти это возможно было сделать при артельном устройстве питания пленных посредством замены одних продуктов другими. На практике применение такого способа продовольственного обеспечения приобретало характерные

особенности. Например, в отчетных документах членов специальной «Комиссии о турецких военнопленных», направленных в Витебск для изучения условий содержания пленников, были сделаны следующие обобщения: «Продовольствие турок удовлетворительное, хлеб и горячую пищу приготавливают сами. <...> На продовольствие больных отпускается по фунту мяса и по одному фунту белого хлеба; выздоравливающим же дается черный хлеб» [2]. К чести губернской администрации как эта, так и другие проверки, в том числе и со стороны Военного министерства, показали, что на территории Витебской губернии продовольственное обеспечение пленников было вполне приемлемым. Серьезных нареканий в этом вопросе выявлено не было.

В соответствии с § 39 «Временного положения» военнопленные нижние чины могли быть привлечены на государственные, общественные и даже частные работы, по правилам, которые устанавливались Военным министерством по согласованию с заинтересованными в их труде гражданскими ведомствами. При этом § 40 вносил оговорку, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения, занимаемого военнопленными на родине, а также иметь прямое отношение к военным действиям против Турции и ее союзников. В целях исключения возможных злоупотреблений в «Положении» содержался строгий запрет на привлечение военнопленных к работам в интересах лиц, ответственных за их охрану и содержание, «хотя бы за плату и по добровольному соглашению с пленными». Показательно, что часть заработка разрешалось выдавать туркам на руки. При возвращении из плена оставшиеся на хранении деньги могли быть выданы военнопленным, за вычетом той части, которая была определена на возмещение расходов по их содержанию.

За содержанием турок и их использованием на работах очень строго следило МВД России и столь же строго регламентировало все, что относилось к данному вопросу, вплоть до того, какие именно работы стоило поручать пленным. В сентябре 1877 г. оно поддержало инициативу Военного министерства о более широком использовании труда военнопленных на частных работах «за условленное вознаграждение» [3]. Однако обнаруженный в архиве циркуляр Департамента полиции от 23 ноября 1877 г. указывает на то, что на местах просьба военных властей удовлетворялась весьма слабо. Одной из причин, затрудняющих применение труда военнопленных, называлась часто встречающаяся у них неисправность одежды и обуви. В циркуляре прозвучала повторная просьба к губернаторам «оказать зависящее содействие к возможно широкому применению труда военнопленных к работам» [4]. Уточняя сферу приложения труда турок, очередной циркуляр от 3 декабря того же года сообщал, «что военнопленным не должно быть поручаемо исполнение таких обязанностей и работ, которые связаны с ответственностью и обусловлены определенной инструкцией, но что они могут быть употребляемы для расчистки снега, для земляных работ, для работ по заготовке и нагрузке балласта и вообще как чернорабочие; те же из них, которым знакомы мастерства, как например каменщики, каменотесы и тому подобные, могут быть употребляемы и соответственно их специальности» [4, л. 21].

Большое влияние на отношение к военнопленным туркам имело эмоциональное восприятие их населением страны пленения. Интерес и простое любопытство обывателей к внезапно нахлынувшим представителям далекой для них восточной страны проявлялись в разных формах. По свидетельству современника рассматриваемых событий: «Торговцы и торговки дарили их вещами, а наш «серый» народ находил особенное удовольствие угощать «турку» и попить с ним по-братски чайку». В итоге, по его словам, «пленные мало по малу перестали быть героями дня и сделались гостями, имеющими

право на снисхождение и уважение настолько, насколько они окажутся достойными того и другого» [5].

Более того, судя по сохранившимся архивным документам, турецкие военнопленные ощущали себя настолько свободно, что некоторые из них позволяли себе не просто «шататься по городу», но и «заходить в частные дома и просить милостыни» [3, л. 3]. Однако, как свидетельствуют все те же архивные источники, усилий полицейских для решения обозначившейся проблемы оказалось явно недостаточно. Проявление разных форм сочувствия и ослабленного контроля к военнопленным продолжало иметь место в повседневной жизни белорусских городов и местечек и в дальнейшем.

Важным направлением в деятельности местных властей являлось недопущение среди военнопленных заболеваний сыпным и возвратным тифом. Заболевшие турки, как офицеры, так и нижние чины, получали врачебную помощь на общих основаниях с российскими войсками и принимались на лечение в ближайшие военные или гражданские лечебные заведения. Правовой базой для этого служило «Временное положение» (§ 44). Серьезные санитарно-эпидемические мероприятия против распространения заразных болезней среди военнопленных и горожан осуществлялись в Витебске. По состоянию на 13 марта 1878 г., число заболевших турок достигло 175 человек, большая часть из которых была заражена тифом [3, ф. 1430, оп. 1, д. 36201, л. 26]. Созданная по распоряжению Витебского гражданского губернатора Особая санитарная комиссия предприняла ряд конкретных шагов по недопущению развития эпидемии в городе.

Независимо от военных властей, задача наблюдения за гигиеническим и санитарным состоянием города в местах размещения турок возлагалась на врачебного инспектора. В случае выявления каких-либо недостатков или невыполнения постановлений санитарной комиссии он обязан был немедленно доносить об этом губернатору. Один из таких сигналов последовал в начале февраля 1878 г. В нем указывалось на случаи бесконтрольного посещения в лечебных заведениях военного ведомства тифозных военнопленных своими товарищами и частую смену ухаживающей за ними прислуги, что влекло за собой расширение контактов с больными и увеличению масштабов эпидемии [3, ф. 2513, оп. 2, д. 416, л. 399].

Систематическая профилактическая работа, строгий контроль за санитарным состоянием жилых помещений турецких военнопленных и другие мероприятия местных властей в конечном итоге позволили избежать широкого распространения инфекционных заболеваний в пределах губернии. В некоторых случаях удавалось существенно улучшить питание военнопленных, обеспечить их одеждой и обувью по сезону.

И все же, несмотря на принимаемые меры, следует констатировать, что местные власти продемонстрировали явную неподготовленность к решению проблемы медицинского и санитарно-эпидемиологического обеспечения военнопленных. Это наглядно проявилось в вопросе захоронения умерших от сыпного и возвратного тифа. Нарушения порядка погребения военнопленных в Витебске неоднократно отмечались в рапортах местных чиновников на имя губернатора. В одном из таких документов инспектор железной дороги выразил обеспокоенность тем, что «на Петропавловском кладбище вблизи Витебской товарной станции Орловско-Витебской железной дороги хоронятся военнопленные турки в весьма неглубоких и мало засыпаемых землею ямах» и, что такое положение дел «при столь неудовлетворительном способе погребения на нем весьма может содействовать распространению названной болезни на лиц, проживающих близ него, а в том числе и на служащих Орловско-Витебской железной дороги по станции Витебск» [3, ф. 1430, оп. 1, д. 36201, л. 17–17 об].

Заключение мира с Турцией возродило надежды турок на скорое освобождение и возвращение домой. Между тем ожидание репатриации проходило спокойно. Здоровые турки продолжали трудиться, больные пользоваться услугами фельдшеров. Властями составлялись списки военнопленных, намечались маршруты предстоящего перемещения и готовился соответствующий транспорт; военнопленным выдавали одежду, их охраняли, согласно ранее принятым инструкциям. В июле 1878 г. телеграммой губернаторам был доведен разработанный военным ведомством «Порядок перевозки военнопленных», который представлял собой подробную инструкцию по организации передвижения, сопровождения и снабжения репатрируемых турок. Как свидетельствуют документы, организационные формы сбора и перевозок турок полностью себя оправдали и обеспечили оказание необходимой медицинской помощи нуждавшимся в ней турецким военнопленным, их санитарное благополучие и предупреждение распространения инфекционных заболеваний.

План репатриации предусматривал перевозку турок по Либаво-Роменской, Орловско-Витебской, Бресто-Граевской, Московско-Брестской, Петербурго-Варшавской железным дорогам [1, оп. 24, д. 258, л. 5–11]. В период с августа по октябрь 1878 г. партиями в несколько десятков и сотен человек через западные губернии России предстояло переместить тысячи турок. К примеру, из Минска 2 августа по Либаво-Роменской дороге должен был проследовать 371 человек. Из Витебска 3 августа по Орловско-Витебской дороге – 691, из Могилева 10 августа по Московско-Брестской дороге – 376, из Гродно 24 сентября по Петербурго-Варшавской дороге – 47 офицеров и 498 нижних чинов. Только за первые две недели августа 1878 г. российским железным дорогам следовало принять в пределах западных губерний 4579 турецких подданных [1, оп. 24, д. 258, л. 5–11, 107–109].

На одну и ту же станцию одновременно должны были прибывать партии из разных пунктов, но собрать их в одно время в одном месте удавалось не всегда. Так произошло с военнопленными, следовавшими из Торопца и Великих Лук. Местом общего сбора был назначен Витебск, но вследствие получения запоздалых распоряжений обе партии «прибыть своевременно не смогли» [1, оп. 24, д. 258, л. 165]. Об этом происшествии было немедленно доложено в Санкт-Петербург в штаб местных войск.

Первый корабль с прибывшими в Севастополь репатриантами отправился в Турцию 14 августа 1878 г. Два дня ранее из Витебска в Севастополь прибыли высокопоставленные турецкие пленники Рашид Паша и Рафат Бей. 26 августа на фрегате «Худа-Вендигер» все они были отправлены к берегам Турции [1, оп. 24, д. 258, л. 122–123].

При всех недостатках, являвшихся неизбежным следствием издержек военного времени, следует признать, что военные и гражданские власти в период пребывания турецких военнопленных на витебской земле стояли на высоте своего положения, обеспечив не только выполнение важной государственной задачи, но и сохранив жизни многих турецких пленников. Оказавшийся в плену турецкий солдат или офицер оставался в определенном правовом поле, которое составляли нормы, возникавшие на основе целого ряда распоряжений центральных и местных властей. Эти нормы имели довольно глубокие исторические корни, отражали политическую, экономическую, социальную и психологическую атмосферу, сложившуюся вокруг пленных турок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный военно-исторический архив.* – Ф. 400. – Оп. 3. – Д. 2047. – Л. 89.

2. **Рапорта членов передвижной Комиссии о турецких военнопленных.** – Март, 1878.
3. **Национальный исторический архив Беларуси в Минске.** – Ф. 229. – Оп. 3. – Д. 339. – Л. 6.
4. **Национальный исторический архив в Гродно.** – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 2178. – Л. 20.
5. **Мартенс, Ф.** Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. / Ф. Мартенс. – СПб., 1879. – С. 555.

S U M M A R Y

This article considers one of not enough known plots of domestic history of staying Turkish prisoners of war on the territory of Vitebsk province during the Russian – Turkish war of 1877–1878. The material is based on wide known facts that have allowed touching various points of the questions related to the accommodation, the content and the returning the Turks to fatherland. Archival documents and materials not published earlier are put into this scientific work.

Поступила в редакцию 12.07.2008

Репозиторий ВГУ